

обработки исполняемых произведений, я провел целый ряд интонационных, артикуляционных, динамических и агогических упражнений с целью достижения точности исполнения в отдельных инструментальных секциях.

Хотел бы отметить, что в ходе реализации музыкального материала при выявлении проблем, связанных с исполнением, я проводил их анализ и способ устранения в различных оркестровых секциях. Ссылаясь на научный труд [3, с. 67-125], я считаю, что это может быть примером для решения проблем, связанных с исполнением, для дирижеров духовых оркестров, желающих продолжать развитие польских народных танцев. После прочтения вышеупомянутого труда они смогут выбрать такие композиции или обработки, которые соответствуют уровню их оркестра. Примером более сложной оркестровой аранжировки в моей работе может служить *Сюита № 1 Польские танцы* Томаша Кизеветтера, а более простыми в исполнении являются: *Берек - оберек* Юлиана Квятковского и *Веселый крестьянин - кудьяк* Станислава Тшешяка.

В процессе работы над произведениями я обращал внимание на сохранение мелодичной линии и аккомпанемента ритм-секции. Использованный материал в виде ряда упражнений, включенных в мою работу, является дидактическим примером формирования в оркестре таких элементов, как мелодичность, кантилена, ритмическая группировка.

Моя работа доказывает, что дирижеры других оркестров могут включить в свой репертуар польские народные танцы, подбирая уровень сложности различных аранжировок, соответствующий уровню своих оркестров.

Заключение – я убежден, что нашей задачей, как музыкантов и артистов, является забота о национальных ценностях, национальной культуре, народной музыки, поскольку без этого мы, как дерево без корней, засыхаем.

Список литературы:

1. Dahlig, P. Muzyka ludowa we współczesnym społeczeństwie / P. Dahlig // Wydawnictwo Szkolne i Pedagogiczne. – Warszawa, 1987.
2. Dąbrowska, G. W kręgu polskich tańców ludowych. Ludowa Spółdzielnia wydawnicza / G. Dąbrowska. – Warszawa, 1979.
3. Kordowski, M. Polskie tańce narodowe w repertuarze amatorskich orkiestr dętych – problematyka wykonawcza / Kordowski M. – Bydgoszcz, 2010.
4. Zyglar, T. Polskie tańce ludowe. Drukarnia Wydawnicza w Krakowie, Muzeum Etnograficzne / T. Zyglar. – Kraków, 1952.

Людмила Измаилова

КАМПАНОЛОГИЯ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кампанология – сравнительно молодая наука о колоколах (по старой церковной традиции именуемых кампанами). Эта область исследования включает множество аспектов, требующих специфических подходов с позиций различных наук; для данной статьи избран ракурс культурологии.

Обширная историческая фактология позиционирует колокол не только как музыкальный инструмент (точнее – группу инструментов), но как репрезентанта многовековой европейской культуры в целом. В конструктивно-акустических модификациях, тембровой индивидуализации, художественном оформлении колоколов запечатлена трансформация эстетических представлений и потребностей, духовных запросов и национальных традиций. Уникальна связь человека с колоколом. История лучших инструментов нередко повторяла судьбу человека: их крестили и освящали, наказывали и миловали, ссылали и казнили, «всем миром» защищали и прятали от врагов. Морфология аутентичных колоколов антропоморфна – они имеют «уши», «язык», «туловище». Всенародная любовь и почитание выражены в поэтической метафорике – «глас Божий», «молитва в бронзе», «гром небесный», «Эолова арфа». Трудно переоценить значимость колокольных текстовых надписей как источника исторически достоверной информации: авторитет колоколов был столь высок, что только культурно значимые факты разрешалось размещать на их корпусах. О колоколах сохранилось множество легенд, преданий и поверий, пословиц и поговорок.

Е. Назайкинский предлагает рассматривать любой музыкальный инструмент в различных ракурсах: как специфически музыкальное «орудие производства», затем «как живое существо и как вещь, как художественное произведение и как запись музыки, как фиксацию особенностей определенной историко-социальной сферы и как памятник культуры» [13, с. 85]. И, наконец, мировоззренческий аспект позволяет взглянуть на инструмент как на «особый мир, представляющий в своих формах и сущности отражение мира реального» [13, с. 85]. Музыкальный инструмент как творение рук человека и особое орудие труда, по мнению Е. Назайкинского, «запечатлевает вкусы публики, нацелен на нее и по внешним, и по внутренним свойствам» [13, с. 88].

Вопрос социокультурного функционирования колоколов до сих пор недостаточно исследован. Интеграция колокольных инструментов в ту или иную модель культуры не имеет единого алгоритма. В разные

эпохи процесс их инкультурации (культурной идентификации) был детерминирован сложившимися традициями (национальными, региональными, конфессиональными, художественно-стилевыми).

В пространстве социокультурного общения колокола могут быть осмыслены как культурные коммуниканты, а колокольный звон – как своеобразные сообщения (зашифрованные или художественные). Каждый из них обладает важными культурными свойствами: коммуниканты – функциональностью, сообщения – семантичностью и ценностью.

Область применения колоколов-коммуникантов в пространстве культуры социума исключительно широка: от богослужебной практики и светского церемониала до повседневно-бытовых нужд и уличных концертов. Эти сферы культурно-практической деятельности выделены в отдельные информационные поля, определяемые как самостоятельные культурные контексты. Применение культурно-контекстуального подхода позволяет актуализировать социальную значимость музыкальных инструментов и классифицировать многообразие проявлений аудиовизуальной колокольности.

Наиболее ранние исторические сведения о введении колокольного звона в церковное богослужение византийских и латинских христиан относятся к средневековому периоду. Как церковные атрибуты исключительной важности колокола впервые были упомянуты в VI веке (Г. Турс «Знак» / Gregor von Tours «Signa»). Их акустическое совершенствование и дальнейшее распространение в Европе нашло отражение в литературе специально-технической направленности и изобразительных материалах. Данные о производстве, функционировании и символике колоколов Средневековья и Возрождения приводят современные исследователи Э. Панофский, Ж. Дюби, Ле Гофф, А. Ястребицкая, С. Макарова [15; 2; 11; 18; 12]. Колокола Восточной Европы – новгородские и полоцкие – упоминаются впервые в древнерусских летописях, толкующих исторические события XI века [3].

В рамках кампанологии сложился специфический и обширный понятийно-терминологический аппарат, отражающий исторические, конструктивные и функциональные модификации колокольного инструментария. В словесных формах зафиксированы культурно-исторические традиции той или иной эпохи, региона, меткость и своеобразие народно-поэтического мышления. Например, в самом термине «кампанология» сохранено старинное наименование колокола – кампан (от названия итальянской провинции Кампанья, где впервые была найдена красная медь и отлиты благозвучные колокола). В православии это название принято до сих пор, а соответствующий церковный канон именуется «Чин освящения кампана». Не характерны для классического инструментоведения и не отражены в справочно-энциклопедических источниках названия частей самого инструмента («тулово», «уши», «язык», «корона», «сковорода» и т. д.) и обозначения, принятые среди литейщиков и звонарей (модуль / шаг / бой, высота и вышина, биение, ударное кольцо, изукрас).

Источником ценной информации остается первая – и до сих пор единственная – объемная монография о колоколах на русском языке, созданная колоколоведом Н. Оловянишниковым (первое издание вышло в 1906 году), объединившая (но не обобщившая) обширный материал двухсот сорока библиографических источников на русском и иностранных языках [14]. И в XXI веке на эту работу ссылаются практически все исследователи-кампанологи.

В советское время исследования кампанологической направленности не проводились по идеологическим причинам. Новые материалы о колоколах были представлены в сборнике статей «Колокола. История и современность» под редакцией академика Б. Раушенбаха, опубликованного издательством «Наука» в 1985 году. Изучение различных аспектов российских звонов осуществлено в ряде диссертаций: Л. Благовещенской (колокольность с подбором колоколов как специфический музыкальный инструмент), А. Ярешко (историко-стилевые истоки и специфика канонических звонов русской православной церкви), А. Никанорова (становление традиций православного звона и связь его акустики с пространственно-предметной средой на примере Псково-Печерской звонницы), А. Бондаренко (проблемы организации колоколотейного дела в России). Широкий круг вопросов, связанных с историческим бытием колоколов России, музыкальной организацией звонов рассмотрен в материалах А. Ярешко, А. Горкиной, В. Кавельмахера, И. Коновалова, А. Лапшина, [17; 1; 8–10].

В Беларуси изучение колоколов проводится Л. Измаиловой и Е. Шатько. Л. Измаилова, рассматривая колокола в значении социокультурных коммуникантов, провела дифференциацию их функций, объединив их в две группы по признаку различия субъектов и содержания сообщений – церковную и светскую, имеющие как черты сходства, так и принципиального различия. Основные функции – литургически-оповещательная, молитвенно-апеллирующая, погребально-поминальная, охранительно-апотропеическая, проповедническая (церковные), а также сигнально-организующая, репрезентативная, информационно-историческая (светские). Установлено, что функции историчны и диалектичны, истоки многих из них коренятся в дохристианских культурах. На основе выявления основных конвенциональных значений звонов определены пути их семантизации. Многочисленные примеры свидетельствуют, что в истории европейской культуры колокола приобрели значение уникального аудиовизуального канала связи, а звон и изукрас – своеобразного языка культуры [4 – 7].

Дешифровка звоновой семантики в рамках конкретного музыкального сочинения позволяет раскрыть творческий метод проявления «внемузыкального в музыкальном», устанавливающий связи между жизненными реалиями и произведениями искусства. Данный подход квалифицирует звонные эффекты как художественную метафорику различных повседневно-жизненных ситуаций, культурно-исторических событий, национальных

традиций, как звуковое выражение мировоззренческих идей и морально-этических установок (последнее характерно для искусства христианской церкви и для светского художественного творчества XX века).

Реконструкция истории отечественных колоколов свидетельствует о тесной взаимосвязи с культурой Западной и Восточной Европы, с традициями католической и православной церкви, а также о национальной специфике. Эти вопросы, а также процессы инкультурации колоколов в жизнь социума Беларуси исследованы в работах Е. Шатько [16].

Колокола – не только объект интереса исследователей. Об их культурной значимости сохранилось множество легенд, преданий и поверий, пословиц и поговорок. Колокольная образность также нашла отражение в художественной литературе и драматургии (в творчестве Ф. Шиллера, В. Гюго, Э. По, Г. Гауптмана, А. Чехова, И. Шмелева, С. Есенина, В. Короткевича и других), в мемуаристике и эпистолярии. Знаменательно, что даже в конце XX века колокола сохранили свой высокий статус, что позволило А. Солженицыну образно назвать звон «лучшим голосом человечества».

Список литературы:

1. Горкина, А. Н. Русские колокольные звоны: особенности музыкальной организации : исследование / А. Н. Горкина. – М. : РАМ им. Гнесиных, 2003. – 154 с.
2. Дюби, Ж. Европа в Средние века : [пер. с фр.] / Ж. Дюби. – Смоленск : Полиграмма, 1994. – 319 с.
3. Измаилова Л. Древнерусские летописи о колоколах Полоцка / Л. Измаилова // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў*. – 2006. – № 6. – С. 69–75.
4. Измаилова, Л. История колокольных функций: репрезентативная и культурно-историческая / Л. Измаилова // *Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі*. Вып. 12. – Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі; навук. рэд. А.І.Лакотка. – Мінск: Права і эканоміка, 2013. – С. 177–182.
5. Измаилова, Л. История колокольных функций: сигнальность и времяизмерение / Л. Измаилова // *Культура: открытый формат – 2013 : сб. науч. ст. / ред. сов.: В.Р.Языкович председатель и др. : Мин-во культуры Респ. Беларусь. Белорус. гос. ун-т культуры и искусств. – Минск : БГУКИ, 2013. – С. 154 – 158.*
6. Измаилова, Л. К вопросу об основных функциях церковных колоколов (погребально-поминальный колокольный звон) / Л. Измаилова // *X Міжнародныя Кірыла-Мяфодзіеўскія чытанні, прысвеч. Дням славянскага пісьменства і культуры (Мінск, 24–26 мая 2004 г.) / рэдкал.: М. А. Бяспалая (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2005. – С. 38–47.*
7. Измаилова, Л. Социокультурное функционирование колоколов в пространстве европейского города / Л. Измаилова // *XI Міжнародныя Кірыла-Мяфодзіеўскія чытанні, прысвеч. Дням славянскага пісьменства і культуры (Мінск, 24–26 мая 2005 г.) : матэрыялы чытанняў / рэдкал.: М. А. Бяспалая (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2006. – С. 61–72.*
8. Кавельмахер, В. Способы колокольного звона и древнерусские колокольные / В. Кавельмахер // *Колокола. История и современность / отв. ред. Б. В. Раушенбах. – М. : Наука, 1985. – С. 39–78.*
9. Коновалов, И. В. История Российского колокольного звона в послереволюционном периоде / И.В. Коновалов // *Русское Возрождение : независимый русский православный журнал. – Нью-Йорк ; Москва ; Париж, 1998. – № 72. – С. 129–143.*
10. Лапшин, А. Опыт бронзового литья в русских традициях / А. Лапшин. – Рыбинск : Рыбинский Дом печати, 2001. – 80 с. : ил.
11. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада : [пер. с фр.] / Ж. Ле Гофф ; общ. ред. Ю. Л. Бессмертного ; послесл. А. Я. Гуревича. – М. : Прогресс : Академия, 1992. – 376 с.
12. Макарова, С. Трубы, била и колокола как сакральные музыкальные инструменты (К символическому истолкованию "трубного гласа" и "звона") / С. Макарова // *Музыка колоколов : сборник исследований и материалов. – СПб. : РИИИ, 1999. – Вып. 2. – С. 11–31.*
13. Назайкинский, Е. Звуковой мир музыки / Е. Назайкинский. – М. : Музыка, 1988. – 254 с.
14. Оловянишников, Н. История колоколов и колоколотейное искусство / Н. Оловянишников. – 2-е изд., доп. – М. : Изд. Товарищества П. И. Оловянишникова и сыновей, 1912. – 435 с.
15. Панофский, Э. Смысл и толкование изобразительного искусства : [пер. с англ.] / Эрвин Панофский. – СПб. : Гуманитарное агентство "Академический проект", 1999. – 394 с. : ил.
16. Шатько, Е. Колокола и колокольные звоны православных храмов западных регионов Беларуси: история и современность / Е. Г. Шатько. – Минск : Москва : ПРОБЕЛ-2000, 2013. – 295 с.
17. Ярешко, А. Русские православные колокольные звоны в синтезе храмовых искусств. История, стилевые основы, функциональность / А. Ярешко. – М. : Композитор, 2009. – 202 с.
18. Ястребицкая, А. Западная Европа XI–XII веков / А. Ястребицкая. – М. : Искусство, 1978. – 176 с.

Виктор Кульпин

ИНСТРУМЕНТЫ ПТИЧЬЕГО (СВЯЩЕННОГО) ЯЗЫКА МУЗЫКИ СВЯТА (СВЯТОГО ДНЯ) БЕЛОРУСОВ

Основатель философской школы традиционализма Рене Генон утверждал, что «науки, исследующие один и тот же предмет с разных точек зрения, используют иногда настолько различные методы, что в